

Ludmila V. MALTSEVA,

post-graduate student of the Linguistics and the Russian Language Chair of Gorlovka Foreign Languages Institute in the Donbass National Pedagogical University;
e-mail: maltseva85@inbox.ru; tel.: +38-095-6827536

ADAPTATION OF THE EDUCATIONAL-SCIENTIFIC TEXT: THE SUBTEXT OF OLD KNOWLEDGE

Summary. The article represents the discursive analysis of the scientific style text. The educational-scientific text is considered as the system of subtexts. Each subtext realizes in the text its own educational task. The article deals with the study of the essence of the educational-scientific text adaptation to the educational-pedagogic situation. The author reveals the content of the notion «the subtext of old knowledge». The educational-scientific text represents original enough type of scientific style. This originality is expressed in substantial complexity of the information, complication or simplification of the text structure. The educational -scientific text is known to be guided by weight of the addressee of the information, and for this reason it is variable in volume. In texts of manuals studied by us the scientific material is made easier and it removes substantial difficulties, thus the form of the secondary text does not differ much from the initial text. The author represents the main principles of this notion functioning in the educational-scientific text. It is singled out and analyzed the ways of the adaptation of the subtext of old knowledge to the age and psychological peculiarities of pupils. The textbooks in the theoretic grammar of Slavonic, Romanic and Germanic languages from the point of view of the old knowledge subtext adaptation are analyzed.

Key words: adaptation, educational-scientific text, the subtext of old knowledge, markers.

Статтю отримано 18.01.2014 р.

УДК [811.161.1+821.161.1]’243’367.333/.4

ХЛОПЬЯНОВ Александр Владимирович,

доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия;
e-mail: runlet@bk.ru; тел.: +7-915-2430593

ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. Грамматический и стилистический анализ атрибутивных словосочетаний в художественном тексте приводит к пониманию данных языковых единиц как важнейшего средства создания эстетического эффекта в художественном произведении. Существующие подходы грамматического анализа требуют расширения представления о словосочетании как синтаксической единице, часто принимающей в поэтическом тексте особые коннотации. Объяснение таких стилистических оборотов возможно благодаря грамматико-стилистическому анализу. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования словосочетаний разных видов и типов ярко проявляется национальная специфика языка.

В теоретической (вводной) части статьи рассматриваются атрибутивные словосочетания с точки зрения их структуры (адъективные, генитивные, многокомпонентные конструкции) и семантики. В основной части работы представлен анализ атрибутивных словосочетаний с точки зрения особенностей сочетаемости в них лексем в художественном тексте на примере произведений А. С. Пушкина. Особое внимание уделяется конструкции «родительного атрибутивного» ввиду её более сложной трансформационной модели. В заключительной части статьи предпринята попытка объяснения атрибутивного словосочетания как неделимой единицы эстетической информации. Работа ориентирована на преподавателей русского языка как иностранного.

Ключевые слова: синтаксис, словосочетание, лингвопоэтика, семантика.

Обращаясь к изучению художественного текста и его грамматическому и стилистическому анализу, иностранные учащиеся даже продвинутого этапа нередко сталкиваются с проблемой восприятия атрибутивных словосочетаний, отличительной чертой которых является тесная связь между его составляющими, которые выражают единое, хотя и расчленённое понятие или представление. Аtribuтивные словосочетания играют важную роль в процессе мыслительной деятельности человека: с помощью определения, фиксирующего некоторую характеристику объекта, осуществляется объединение отдельных объектов в единый класс (процесс категоризации), и, с другой стороны, происходит деление множества однородных объектов на подмножества (процесс классификации).

Источниками формирования семантики словосочетания служат грамматические особенности его компонентов. Синтаксической моделью, чаще всего употребляемой для выражения атрибутивных отношений, является модель «прилагательное + существительное». Это свидетельствует о том, что прилагательное, будучи одной из самых древних по употребительности в атрибутивной функции частей речи, по-прежнему занимает ведущее место в системе средств выражения атрибутивных отношений. В любом словосочетании с конкретным именем лексическое значение существительного содержит в себе сему, указывающую на возможность или необходимость признака, которая реализуется с помощью зависимого компонента — прилагательного. Прилагательное как часть речи характеризуется общим категориальным значением качества, свойства, признака. Оно включается в сферу обозначения предметов или явлений через взаимодействие с существительными, выражая признак: *громкие голоса, тёмное небо.*

Помимо модели «прилагательное + существительное» существуют другие формы выражения атрибутивных отношений. В функции определения (атрибута) выступают четыре основных класса слов: причастия как отглагольные прилагательные (*сидящий человек*); местоимения (некоторые их подклассы) (*его книга, другое письмо*); числительные (*первый шаг*); существительные (*вязанка дров, дом отца*).

Позицию атрибута могут занимать наречия (*поездка вечером, соседи справа*), существительные с предлогами (*женщина с умом, человек без принципов*) и инфинитив (*надежда встретит, попытки выучить*).

О. С. Ахманова в «Очерках по общей и русской лексикологии» разделяет все словосочетания на две большие группы — именные и глагольные, при этом определительные словосочетания отнесены к именным, а обстоятельственные — к глагольным. В основе общей классификации атрибутивных (именных) словосочетаний такого рода лежит категоризация по принципу «ограничивающих» и «описывающих» атрибутивных словосочетаний. В составе первых определение ограничивает, суживает значение определяемого, именно поэтому наиболее типичной сферой их употребления стали составные термины и понятия, например, *серная кислота, гражданская авиация, сотовый телефон*. К описательным относятся такие атрибутивные словосочетания, в которых определение не только не ограничивает определяемое, но и сообщает о нем нечто дополнительное — *заплаканные глаза, нежный взор, детская радость*. Разновидностью описательных словосочетаний «являются образные обозначения с образным, метафорическим употреблением слов, входящих в данное словосочетание. Например, канцелярская крыса — не крыса, а человек, как и тертый калач» [1, с. 173].

И. И. Ковтунова выделяет атрибутивные и субстантивные словосочетания, понимая под первыми конструкции типа «прилагательное + существительное», под вторыми — «существительное + существительное», и приходит к заключению, что в атрибутивных словосочетаниях более сильное ударение падает на имя существительное: *белые лилии, на зеленых блюдах, слабый свет* и т. д., а в субстантивных словосочетаниях «более сильное ударение несет на себе зависимая предложно-падежная словоформа: *приклад ружья, загон для скота, куча листьев, вдоль берега реки*» [5, с. 100].

В иноязычной аудитории преподаватель сталкивается с определенными трудностями при появлении в тексте инверсии, характерной для экспрессивной речи. В случае возникновения инверсии член более сильное ударение возникает в начале конструкции, а более слабое приходится на конец фразы.

Особое внимание следует уделить изучению вариантов словорасположения с поэтической окраской — таких конструкций, «в которых члены инверсированы, но экспрессивная интонация (нисходящее расположение акцентов) отсутствует» [5, с. 141]. Последние замечания нам кажутся исключительно важными, мы обратимся к ним позже при исследовании атрибутивных словосочетаний в поэмах А. С. Пушкина.

Национальная специфика языка ярко проявляется в правилах сочетания слов, в закономерностях образования словосочетаний разных видов и типов. Поскольку словосочетания образуются на основе синтаксических особенностей слов, принадлежащих к различным частям речи, на основе присущей им синтаксической сочетаемости, следует различать словосочетания именные (субстантивные и адъективные), глагольные и наречные (или адвербиальные) — по грамматически господствующему слову (стержню словосочетания). В строе предложения словосочетания могут выполнять «очень разнообразные функции». Так, именное словосочетание *первый снег* играет в разных своих формах (*первого снега, первому снегу, первым снегом, о первом снеге*) разную роль в составе предложения [2, с. 234].

Традиционным, по классификации В. В. Виноградова, является деление словосочетаний на простые и сложные. Если применить эту классификацию только к интересующим нас атрибутивным словосочетаниям, то к простым словосочетаниям будут отнесены двусловные сочетания, состоящие из двух знаменательных слов, например: *простые люди, зеленая трава* и т. д. К простым словосочетаниям семантически примыкают и трёхсловные словосочетания, в которых определительная часть представляет собой семантически неделимое словосочетание с целостным смысловым содержанием: *человек острого ума, девушка скромного поведения*. Особое внимание изучающих русский язык иностранцев стоит обратить на то, что даже трёхсловные словосочетания типа *человек твёрдого характера* близки к простым только с семантической точки зрения; в синтаксическом же отношении они ничем не отличаются от сложных словосочетаний.

Сочетания имён существительных с именами прилагательными, наиболее известные в лингвистической литературе как *адъективные словосочетания*, «представляют собой одну из самых регулярных и продуктивных конструкций в большинстве языков. Многие учёные разных направлений признают уникальность сочетаний существительных с прилагательными как единиц, обладающих особым, промежуточным статусом, связанным с формальной расчленённостью состава и одновременной синтетичностью значений анализируемых сочетаний, выступающих довольно часто в качестве готовых комбинаций».

Н. В. Юдина обращает внимание на существование в сфере сочетаний «прил. + суц.» особых структур знания, получивших название *атрибутивно-субстантивных комплексов*, отличающихся по ряду признаков от известных комбинированных языковых единиц» [7, с. 8]. Эти словосочетания представляют собой промежуточные единицы, находящиеся между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Они существуют в сознании носителей языка в виде целостной когнитивной структуры,

имеющей скрытый смысл, как правило не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях носителя языка.

Субстантивные атрибутивные словосочетания привлекают внимание тем, что представляют собой случай, когда в качестве определения одной субстанции выступает другая. Такие словосочетания разнообразны и выражают различные оттенки смысловых отношений. Распространение имени существительного — главного компонента словосочетания — именами существительными в родительном падеже и в косвенных падежах с различными предлогами представляет собой живой, продуктивный способ сочетания слов для выражения определительных отношений. Такие словосочетания обычно выражают отношение принадлежности или владения: *лицо женщины, дневники Пришвина, дом отца* и т. д.

Р. О. Якобсон замечает *метонимическую природу генитивных* словосочетаний: в данном случае родительный падеж имеет значение исключения обозначенного им предмета из содержания высказывания или о том, что этот предмет представлен только частично [8, с. 149].

Несмотря на то, что существует возможность обращения генитивной конструкции в атрибутивную, не всякая генитивная конструкция может быть представлена в языке как атрибутивная. Скажем, генитивный оборот *ручка двери* может быть представлен атрибутивным *дверная ручка*. Но, например, оборот *ножка стула* в атрибутивном своем виде в современном языке не представлен. С другой стороны, не всякая адъективная конструкция такого типа может быть трансформирована в генитивную: так, словосочетание *оконная рама* вряд ли может быть представлена в виде *рама окна*, хотя формальных оснований для этого нет. Ср. *балконная дверь*.

Существуют и другие формы синтагматической связи слов, которые носят семантически еще более сложный характер и психологическую структуру которых можно понять не сразу, на что указывает в своих работах А. Р. Лурия, который рассматривает эту особенность на двух примерах: *кусоч хлеба* (родительный части) и *брат отца* (родительный атрибутивный). *Кусоч хлеба* вовсе не выражает два понятия: «хлеб» и «кусоч»; это словосочетание выражает простейшие отношения между одним объектом (хлебом) и его частью (кусочком). Конструкция *брат отца* является более сложной, выражающей не два изолированных объекта (брата и отца) и не один конкретный объект (кусоч хлеба), а являющейся обозначением третьего, неупомянутого в данной конструкции объекта (дяди) [6, с. 151].

Стоит учесть, что конструкция «родительного атрибутивного» появилась в русском языке значительно позднее конструкции «родительного части». Она имеет большую психологическую сложность, и понимание ее требует значительного числа промежуточных трансформаций.

Первая сложность восприятия иностранцем данной конструкции заключается в том, что в ней четко выражены иерархические, парадигматические компоненты: *брат отца* — это не просто два существительных и вовсе не «брат+отец»; данная структура выражает отношение брата к отцу, причём второе существительное, стоящее в родительном падеже (*отца*), выражает вовсе не объект, а лишь качество, которое семантически несёт функцию прилагательного (*отцовский брат*). Поэтому, как бы проста ни казалась эта конструкция, на самом деле она сложна: два слова (*брат отца*) выражают на самом деле одного субъекта, а не двух, причём этот субъект открыто не обозначен (это не «брат» и «отец», а «дядя»). Вторая сложность связана с тем, что эта конструкция является «обратимой». Можно сказать *брат отца* (и это будет дядя), а можно изменить порядок этих двух существительных и сказать *отец брата*, но это будет уже не дядя, а отец (отец моего брата = мой отец). Совершенно иное мы имеем в «необратимых конструкциях». Так, можно сказать *кусоч хлеба* или *ножка стола*, но нельзя сказать *хлеб куска*, или *стул ножки*. Таким образом, необратимость конструкции служит дополнительной семантической опорой, облегчающей понимание её значения.

Атрибутивное значение слова, стоящего в родительном падеже и на самом деле имеющего значение прилагательного, противоречит обычному для русского языка порядку слов, в котором прилагательное, выражающее свойство предмета, предшествует существительному. Поэтому, чтобы понять подлинное значение этой конструкции (родительного атрибутивного), следует провести целый ряд дополнительных психологических операций или трансформаций: нужно отвлечься от вещественного, именного значения второго существительного, придать ему значение прилагательного, а для этого нужно изменить порядок слов, потому что в привычных формах русского языка прилагательное стоит на первом месте.

А. А. Камынина выделяет семь значений родительного падежа, среди которых есть такие, как значение субъекта (*пение соловья*), носителя признака (*красота души*) и признака (*страна чудес*), причём последний определяется как «родительный определительный, часто опирающийся на внутренний контекст» [4, с. 65]. Обратим внимание на то, что первые два типа во многих случаях могут употребляться в значении признака: ср. *пение соловья* — *соловьиное пение*, *красота души* — *душевная красота*. Словосочетания типа *красота девушки*, которое приводит Р. Якобсон, свидетельствует об атрибутивном значении именительного падежа, что не исключает наличия атрибутивного словосочетания *девичья красота*, но здесь вряд ли можно говорить об обратимости.

Понятие «комбинированные словосочетания» используется Н. Ю. Шведовой [см., напр., 3] по отношению к словосочетаниям, которые образованы на основе связей, исходящих от разных стержневых слов, и являются структурно неразложимыми. Из атрибутивных сочетаний это такие примеры, как *судья республиканской категории, револьвер марки Смита*. При делении словосочетаний по структуре на простые и сложные В. В. Виноградов говорит, что простые словосочетания обычно двусловны, сложное же словосочетание в большинстве случаев является продуктом распространения простого словосочетания: *близкий друг Пушкина*. К сложным относятся словосочетания, которые образуются на основе разных способов связей, исходящих из одного и того же главного слова. Так,

словосочетание *красивая лампа с абажуром* в соответствии с этой классификацией является сложным, т. к. слова в нём связаны и согласованием, и управлением, исходящими от одного и того же главного слова *лампа*.

При обращении к поэтическим произведениям А.С.Пушкина внимание привлекают атрибутивные словосочетания, состоящие из нескольких (двух, трёх, четырёх) компонентов, например *волн осенний хлад, в часы досугов золотых, свадьбы день ужасный*. Приведённые примеры являются соединением двух атрибутивных словосочетаний (адъективного сочетания и генитивной конструкции) и могут быть разделены формально на отдельные составляющие единицы — *осенний хлад* и *хлад волн; в часы досуга* и *золотой досуг; день свадьбы* и *ужасный день*. Однако, даже не обращаясь к тексту соответствующих поэм, читатель чувствует, что при подобном разделении утрачивается особое звучание, особое содержание и прелесть приведенных выражений. Каждое из разделённых словосочетаний вполне может существовать в языке (и существует), тем не менее часто при подобном разъятии составных компонентов нарушается тонкое именование того или иного явления, ощущения, реалии художественного мира поэмы. Согласимся, что явления *осенний хлад* и *хлад волн* (даже не принимая во внимание стилистическую маркированность слова *хлад*) не создадут того представления в сознании читателя, которое появляется при обращении к словосочетанию *волн осенний хлад*.

Эти сочетания различаются по характеру синтаксической связи между компонентами, по позиции составляющих их грамматических форм: нормативной (*толпа могучих сыновей, наслажденья дикой неги*) или стилистически маркированной, когда атрибут может оказаться либо в препозиции (*волн осенний хлад*), либо в смешанном препозитивно-постпозитивном положении (*свадьбы день ужасный, часы досугов золотых*).

Словосочетание *судьба твоих грядущих дней* — одна из ключевых фраз мудреца финна, героя поэмы «Руслан и Людмила», оказывает сильное эстетическое воздействие: во-первых, благодаря неразложимости сочетания компонентов, во-вторых, из-за усложнённой семантики слова *судьба*. При нарушении его структуры (исключении атрибута *грядущие*), указанное словосочетание теряет смысл (*судьба дней*), поскольку *грядущие дни* — перифраза *будущего*. Таким образом, *судьба твоих грядущих дней* трансформируется в *судьба твоего будущего*, или *твоя будущая судьба*. В таком случае, обнаруживается, что слово *судьба* реализует в этом словосочетании два своих значения: «предопределение» и «жизнь». В данном случае имеет место характерный для раннего периода творчества Пушкина прием расширения ассоциативного ряда «время». Ср., например, в стихотворении «Безверие», написанном в 1817 году:

Наш век — неверный день, всечасное волнение.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час...

Единственной объединяющей их формальной чертой оказывается наличие во всех них одного и двух существительных или одного и двух прилагательных; с содержательной же точки зрения их объединяет наличие коннотативного плана, что указывает на выполнение ими по крайней мере экспрессивной функции. Эту группу разнородных сочетаний нельзя определить с помощью какого-то общепринятого термина, но, поскольку между ними наличествует уже отмеченное формальное и содержательное сходство, мы будем рассматривать их в качестве комбинированных атрибутивных словосочетаний, независимо от того, исходит ли связь от одного слова или от разных слов. Среди них будут и структурно неразложимые сочетания, и формально свободные. Для нас существенно, является ли такое атрибутивное словосочетание неделимой единицей эстетической информации.

Литература

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
2. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1976. — 511 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 767 с.
4. Камынина А. А. Современный русский язык: Морфология: учеб. пособие для студ. филол. фак. / А. А. Камынина. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 240 с.
5. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение / И. И. Ковтунова. — 2-е изд. — М.: URSS, 2002. — 240 с.
6. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; ред. Е. Д. Хомская. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 320 с.
7. Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 — теория языка / Н. В. Юдина. — М., 2006. — 46 с.
8. Якобсон Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.

References

1. Ahmanova O. S. Oчерki po obščey i russkoy leksikologii / O. S. Ahmanova. — M.: Uchpedgiz, 1957. — 295 s.
2. Vinogradov V. V. Poetika russkoy literatury. Izbrannyye trudy / V. V. Vinogradov. — M.: Nauka, 1976. — 511 s.
3. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — M.: Nauka, 1970. — 767 s.
4. Kamyнина A. A. Sovremennyy russkiy yazyk: Morfologiya: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. / A. A. Kamyнина. — M.: Izd-vo MGU, 1999. — 240 s.
5. Kovtunova I. I. Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktualnoe chlenenie / I. I. Kovtunova. — 2-e izd. — M.: URSS, 2002. — 240 s.
6. Luriya A. R. Yazyk i soznanie / A. R. Luriya; red. E. D. Homskaya. — M.: Izd-vo MGU, 1979. — 320 s.
7. Yudina N. V. Leksicheskaya sochetayemost v kognitivnom aspekte (na materiale konstruktсии «prilagatelnoe suschestvitelnoe»): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19 — teoriya yazyka / N. V. Yudina. — M., 2006. — 46 s.
8. Jakobson R. O. Izbrannyye raboty / R. O. Jakobson. — M.: Progress, 1985. — 460 s.

ХЛОПЬЯНОВ Александр Володимирович,

доцент кафедри російської мови для іноземних учнів природничих факультетів Московського державного університету імені М. В. Ломоносова; Москва, Росія;
e-mail: runlet@bk.ru; тел.: + 7-915-2430593

ПРО ВИВЧЕННЯ ПОЕТИЧНИХ АТРИБУТИВНИХ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ В ІНШОМОВНІЙ АУДИТОРІЇ

Анотація. Граматичний і стилістичний аналіз атрибутивних словосполучень в художньому тексті призводить до розуміння даних мовних одиниць як найважливішого засобу створення естетичного ефекту в художньому творі. Існуючі підходи граматичного аналізу вимагають розширення уявлення про словосполучення як синтаксичну одиницю, яка часто має в поетичному тексті особливі конотації. Пояснити такі стилістичні обертони можливо завдяки граматико-стилістичного аналізу. У правилах поєднання слів, у закономірностях творення словосполучень різних видів і типів яскраво проявляється національна специфіка мови.

У теоретичній (вступній) частині статті розглянуто атрибутивні словосполучення з точки зору їх структури (ад'єктивні, генітивні, багатоконпонентні конструкції) і семантики. В основній частині роботи представлено аналіз атрибутивних словосполучень з точки зору особливостей сполучуваності в них лексем у художньому тексті на прикладі творів О. С. Пушкіна. Особлива увага приділяється конструкції «родового атрибутивного» зважаючи на її більш складну трансформаційну модель. У заключній частині статті зроблено спробу пояснити атрибутивне словосполучення як неподільну одиницю естетичної інформації. Робота орієнтована на викладачів російської мови як іноземної.

Ключові слова: синтаксис, словосполучення, лінгвопоетика, семантика.

Alexander V. KHLOPYANOV,

Ass. Prof. of Department for the Russian Language for Foreign Students in Moscow State Lomonosov University;
Moscow, Russia;
e-mail: runlet@bk.ru; тел.: +7-915-2430593

ON THE STUDY OF RUSSIAN POETIC ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS BY FOREIGNERS

Summary. Grammatical and stylistic analysis of attributive phrases in a literary text describes these linguistic units as an important means of creating an aesthetic effect in the artwork. The present linguistic methods give more ideas how to interpret connotative collocation. Explanation of such stylistic overtones becomes possible due to grammatical and stylistic analysis. In the leading part of the article attribute combinations are described in terms of their structure (adjective, genitive, multicomponent structure) and semantics. The main part of the paper contains the analysis of attributive phrases in connection with the works of A. S. Pushkin. The particular attention is paid to «attributive genitive» structure because of its more complicated transformational model. In the final part attributive phrases are considered as units of aesthetic information. Work is focused on teachers of Russian as a foreign language.

Key words: syntax, collocation, linguopoetics, semantics.

Статтю отримано 12.03.2014 р.

УДК [811.161.1+811.411.21]'243'366.58:378

ЦАПКО Тамара Петровна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки Харківського національного університету радіоелектроніки; Харків, Україна;
e-mail: t_p_tsapko@mail.ru; тел.: +38(057) 7021524; моб.: +38-097-2144388

ПРОБЛЕМЫ «ГЛАГОЛЬНОЙ» ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ АРАБОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Одной из центральных проблем, возникающих в процессе обучения иностранному языку и взаимодействия языковых систем, является проблема интерференции. Выявление различных зон и типов интерференции на базе сопоставительно-типологических исследований на примере русского и арабского языков может быть использовано при создании учебных пособий, что будет способствовать повышению эффективности обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: сравнительная типология, билингвизм, межъязыковая интерференция.

Одним из принципов методики преподавания иностранного языка признан принцип учета родного языка учащихся. В связи с этим в процессе обучения адекватной коммуникации на изучаемом языке важное место занимает сопоставление языков. Сведения о сходстве и различиях между сопоставляемыми языками способствуют более стойкому овладению иностранным языком путем профилактики возможной интерференции. Одной из лингводидактических задач, которые решает сравнительное языкознание, является установление характера межъязыковых интерференций и путей их преодоления. Лингвистической причиной межъязыковой интерференции может стать методически релевантное отличие между родным и неродным языками. Проблема интерференции особенно актуальна, когда определенное грамматическое явление представлено как в родном языке учащихся, так и в изучаемом иностранном, однако в их функционировании существуют различия. В этом случае грамматические